

ПАССАЖИР
«ПОЛЯРНОЙ ЛИЛИИ»

ГЛАВА 1

Сглаз

Это болезнь, которая внезапно поражает корабли на всех морях земного шара, и причины ее таятся в необозримых пределах того, что именуется Случаем.

Даже если первые ее проявления малозаметны, взгляд моряка все равно распознает недуг. Вдруг, ни с того ни с сего, ванта лопается, как скрипичная струна, и отрывает марсовому руку. Юнга, чистя картошку, царапает себе палец, а с рассветом уже воет от флегмоны.

Бывает и хуже: то не удастся маневр, то шлюпка сдуру ударится о форштевень.

Но это еще не сглаз. Сглаз — это когда одна беда валится за другой. И редко случается так, чтобы в ночь или наутро после первой не стряслась вторая.

А уж тогда все начинает идти вкривь и вкось, и экипажу остается лишь стискивать зубы и считать удары. Именно в такие минуты машину, тридцать лет работавшую без единой аварии, неожиданно заедает, как старую кофейную мельницу. Вопреки опыту, самым тщательным расчетам и благоприятным метеорологическим прогнозам противные ветры не унимаются по три недели, да еще там, где им никак не полагается буйствовать в такое время. Первая же волна смывает за борт матроса. И в довершение на борту начинает свирепствовать если уж не чума, то дизентерия.

Счастье еще, если судно не сядет на банку, которую до этого благополучно огибало раз сто, или не врежется в мол при входе в порт.

Как явствовало из объявления на почтовом ящике возле трапа, «Полярная лилия», пришвартованная у пирса № 17, в одном из самых дальних и грязных уголков гамбургского порта, отваливала в три часа пополудни.

Не пробило еще двух, как капитан Петерсен уже почувствовал: жди сглаза.

А ведь человек он был энергичный, здоровый, очень сильный, хоть и невысок ростом. С девяти утра он безостановочно мерил шагами палубу, присматривая за погрузкой.

Над портом, сочась ледяной сыростью, висел необычайно плотный изжелта-серый туман, настолько пропитанный копотью, что города было почти не видно — только огни трамваев да освещенные, как ночью, дома.

Кончался февраль, стояли холода, и влажная пыль, сквозь завесу которой на ощупь пробирались прохожие, оседала изморозью на лицах и руках.

Надсаживались гудки, и в их оглушительной какофонии тонул скрежет подъемных кранов.

Палуба «Полярной лилии» была почти пуста: только у носового трюма суетилось четверо матросов, то застрапливая, то отцепляя ящики и бочонки.

А может быть, капитан Петерсен почуял сглаз еще в десять утра, когда вернулся Вринс?

Пароход у Петерсена был самый заурядный — водоизмещение примерно тысяча тонн, палуба вечно загромождена грузом. Насквозь пропахший треской, он обслуживал линию Гамбург — Киркенес с заходом в самые мелкие порты норвежского побережья.

«Полярная лилия», судно смешанного грузо-пассажирского типа, могла принять на борт пятьдесят пассажиров первого класса и столько же — третьего. В Норвегию она везла машины, фрукты, солонину. Оттуда — сотни бочонков трески, а с самого Крайнего Севера — медвежьи шкуры и ворвань.

До Лофотенов климат был еще туда-сюда. Дальше сразу же начинались морозы и полярная ночь.

Офицеры были норвежцы и славные ребята. Они заранее знали, сколько бочонков возьмут у «Олсена и К°» в Тромсё и кому предназначены станки, погруженные в Гамбурге.

В то утро Петерсен сам оторвал от тужурки последнюю нашивку — она держалась на ниточке.

И на тебе! Компания присылает ему вместе с кучей рекомендаций нового третьего помощника — девятнадцатилетнего голландца, такого тощего и узкоплечего, что на вид ему не дашь и шестнадцати.

Мальчишка неделю назад закончил мореходное училище в Делфзейле. На корабль явился вчера, бледный, взволнованный, в умопомрачительно отутюженной форме, вытянулся, руки по швам.

— К вашим услугам, господин капитан.

— Вот что, господин Вринс, — усмехнулся Петерсен, — в данный момент я не нуждаюсь в ваших услугах. Вы свободны до завтра. В качестве третьего помощника займетесь посадкой пассажиров.

Вринс ушел. Ночью не вернулся. А в десять утра капитан увидел, как он вылезает из такси — лицо землистое, веки набрякли, в глазах испуг, по трапу поднялся с трудом.

Петерсен повернулся к нему спиной, услышал, как щелкнули каблук в знак приветствия, и Вринс проследовал к себе в каюту.

— Совсем раскис, — доложил чуть позже стюард. — Попросил кофе покрепче. Растянулся на койке, едва языком ворочает, ко рту спичку поднеси — вспыхнет.

Разумеется, это еще не катастрофа. Но когда привыкаешь жить со своими офицерами одной семьей, не очень-то приятно получить себе на шею этакого юнца, особенно после письма директора компании с просьбой посодействовать новичку на первых порах.

В девятнадцать лет Петерсен мореходку не кончал, зато успел трижды обогнуть земной шар.

Он мог бы предсказать это заранее. Беды пошли валиться одна за другой. Засунув руки в карманы и попыхивая трубкой, Петерсен обходит пароход и замечает рыжего верзилу; тот прислонился спиной к фальшборту и свертывает папироску. Приветствует капитана еле заметным кивком и тут же лезет в карман за спичками.

Ясное дело, портовая крыса! Один из тех бродяг Севера, что не похожи на остальных бродяг земли. Мужчина лет сорока, высокий, сильный, здоровый на вид, несмотря на недельную щетину и чуточку ввалившиеся щеки. Он неторопливо покуривает, выпятив грудь в стареньком ландверовском¹ мундире, на котором сменил пуговицы.

— Ты что тут делаешь?

Неизвестный подбородком указывает на старшего механика — тот как раз проходит по мостику. Стармех объясняет капитану:

— У Ганса приступ малярии. Пришлось оставить его на берегу. А тут, гляжу, на пирсе этот парень болтается. Вот и взял его угольщиком. Сдюжит — крепкий.

— Документы есть?

— В порядке: выпущен из тюрьмы в Кёльне, — рассмеялся стармех и ушел.

¹ Ландвер — в Германии до 1918 г. войсковые части из военнообязанных второй очереди. (Здесь и далее примечания переводчиков.)

— Второй сюрприз! — буркнул Петерсен.

Вообще-то, ему совершенно безразлично, что новичок вышел из тюрьмы: в угольщики берешь кого попало. Но этот тип сразу пришелся не по душе Петерсену. Расхаживая по палубе, капитан украдкой наблюдает за ним.

Самоуверенность, нахальство, даже дерзость — обычные приметы немецких бродяг. У этого вдобавок во взгляде ирония. Чувствует, что к нему присматриваются, но продолжает курить: подклеит языком папироску и смотрит, как дым смешивается с туманом.

— Как зовут?

— Петер Круль.

— За что сидел?

— В последний раз — ни за что. Судебная ошибка.

Говорил новичок не спеша, тягучим голосом, и отступить пришлось капитану.

К тому же в этот момент лопнул трос, и ящик с трактором грохнулся в трюм с шестиметровой высоты.

А тут еще появился первый пассажир. Петерсен успел рассмотреть лишь зеленый чемодан да серое пальто.

— Где Вринс? — спросил он стюарда. — Надеюсь, он не заставит меня заниматься пассажирами?

— Сидит в салоне над пассажирским списком.

Это была правда. Вринса наверняка мутило, голова раскалывалась, но он был на своем посту. Встретил пассажира, записал паспортные данные, проводил до каюты.

Как всегда, последние два часа прошли сумбурно. Машины с грузом опоздали, а подъемные краны все равно быстрее работать не заставишь.

— Тем хуже! Чего не погрузим — оставим.

Традиционная, никого не пугающая угроза! На борт в сопровождении носильщика поднялась пассажирка. Полиция прицепилась к Вринсу — он заполнил не все графы.

С первым ударом колокола путь перед «Полярной лилией» был свободен. Но пять минут спустя, когда отдали швартовы, большой английский танкер ухитрился стать к ней бортом, и пришлось выполнять сложные маневры.

По своим делам шла себе еле заметная над водой моторка с одиноким попрыгивавшим трубкой моряком у руля.

Ее чиркнули бортом. Она наполовину погрузилась в воду и только чудом продолжала лавировать между черными корпусами грузовых судов, высившихся вокруг нее, как стены.

По Эльбе двигалась целая процессия — три каравана пароходов, тянувшихся друг за другом в тумане, который не давал разглядеть даже кормовой огонь впередиидущего, и гудки непрерывно затевали меж собой яростную перебранку.

Суда побыстроходней упорно старались обогнать остальные. Между пароходами пробирались парусники, и бледно-серые их фоки¹ внезапно вырастали меньше чем в кабельтове² от «Полярной лилии».

— Малый вперед!.. Стоп!.. Задний ход!.. Стоп!.. Малый вперед!.. Средний ход!.. Стоп!..

Позвякивал машинный телеграф, и пароход кое-как, рывками продвигался сквозь ледяную муть.

В семь вечера «Полярная лилия» все еще шла по реке, и Куксхафенский маяк, за которым начинается море, до сих пор не выступил из тумана.

Оставив на мостике второго помощника в обществе лоцмана, капитан спустился вниз и приготовился к другой своей тяжелой обязанности — играть роль хозяина за столом для пассажиров.

Стюард шагал мимо кают, настойчиво орудуя гонгом: он по опыту знал — в первый день пассажиры не торопятся.

— Пять приборов? — удивился Петерсен.

— Трое мужчин, одна дама... Вот и она.

Вид у дамы, державшей во рту папиросу в нефритовом мундштуке, был совершенно непринужденный, а туалет такой, словно ее ждал обед на борту шикарного трансатлантического лайнера: казалось, на ней нет ничего, кроме черного шелкового платья.

Странное создание! Маленькая, тоненькая, нервная, чувственность в каждом движении, и все это подчеркнуто самоновейшими ухищрениями моды. Словом, совершенно особый тип женщины!

Волосы у нее были белокурые, как у ребенка, и такие же мягкие. Разделенные на пробор и только на висках чуть-чуть подвитые, они падали на щеки, оттеняя удлиненный овал лица.

Глаза у нее темные. Ресницы, чтобы еще больше усугубить контраст с шевелюрой, подкрашены черным. Рот небольшой.

— Капитан?.. — вопросительным тоном начала она.

— Капитан Петерсен.

Он едва успел умыться. По его густым волосам не худо было бы пройти гребешком.

— Не угодно ли сесть?

¹ Фок — прямой, самый нижний парус на передней мачте.

² Кабельтов — морская мера длины, равная 185,2 метра.

Пассажирка и это проделала все так же непринужденно, выбрав подобающее ей место — справа от капитана.

Вошел один из пассажиров, пожал Петерсену руку, машинально бросил:

— Дрянная погода!

Это был Белл Эвйен, управляющий Киркенесскими рудниками, ежегодно ездивший в Лондон и Берлин; месяц назад он отплыл на той же «Полярной лилии» из Киркенеса. Эвйен с интересом взглянул на молодую женщину. А еще через секунду, не сказав ни слова, с присутствующими поочередно раскланялся новый пассажир, высокий молодой человек с бритой головой, без бровей и ресниц и в очках с такими толстыми стеклами, что глаза под ними казались просто огромными.

— Подавайте, стюард! К пятому пассажиру постучитесь позже.

Один прибор оказался свободен. Меню было типично скандинавское: суп, горячее второе, всевозможные холодные блюда — копчености, соленья, рыбные консервы, потом компот и сыр.

— Номер восемнадцатый не отвечает.

— Скажите третьему помощнику — пусть займется.

Дважды Петерсен, встревоженный внезапным замедлением хода, поднимался на мостик. Обстановка не изменилась: туман, вереница пароходов, гудки и свистки.

За столом молчали. В перерыве между двумя блюдами пассажирка прикурила папиросу от зажигалки, подлинного чуда ювелирного искусства. Петерсен решил, что она и бритоголовый пассажир — немцы.

— Кофе подадут в салон, — вставая, произнес он наконец формулу, которую вот уже двенадцать лет повторял в каждом рейсе.

Остановившись у своей каюты, он набивал трубку, когда пассажирка проследовала мимо него к узкому трапу, ведущему в курительный салон. Пока она поднималась, Петерсен любовался ее ногами, которым черный шелк придавал особую стройность, точеными коленями и ослепительной кожей.

— Ну-с, господин Вринс?

Молодой человек непроизвольно вытянулся. Губы у него дрожали. Он застыл, как будто неожиданно очутился в самой гуще каких-то драматических событий.

— Пассажира нигде нет. А багаж в каюте.

— Кто он?

— Эрнст Эриксен из Копенгагена. Я видел его меньше чем за час до отплытия.

- Господин в сером пальто, чемодан зеленый?
- Так точно... Я все обшарил.
- Значит, сошел на берег за газетами и опоздал к отходу.

Эвйен и молодой человек в очках вернулись к себе в каюты. В салоне осталась только пассажирка. Вдруг Петерсен услышал, как она вскрикнула. Хлопнула дверь, и наверху у трапа появилось черное шелковое платье.

— Капитан...

Дама казалась взволнованной, прижимала руки к груди, унимая сердцебиение, но все-таки силилась улыбнуться.

— Что случилось?

— Не знаю... Я, наверное, зря перепугалась. Вошла в салон. Кофе и чашки уже на столе. Я стала себе наливать. Тут мне почудилось, что сзади кто-то есть. Оборачиваюсь и вижу какого-то человека. Убеждена: он тоже испугался, потому что вскочил и выбежал.

— Куда?

— Вон в ту дверь. Она ведь выходит на прогулочную палубу?

— Он был в сером пальто?

— Да, в сером... Я закричала. Почему он убежал?

Пассажирка говорила, а Петерсену казалось, что ее слова адресуются не столько ему, сколько Вринсу.

— Сходите проверьте! — приказал он помощнику.

Тот явно колебался. Особенно отчетливо это стало видно, когда ему, чтобы разминуться с пассажиркой, пришлось пройти почти вплотную к ней.

— Успокойтесь, сударыня. Мы сейчас во всем разберемся.

Она изобразила нечто вроде улыбки и с кокетливой гримаской полюбопытствовала:

— Значит, я останусь в салоне одна?

— К вам не замедлят присоединиться ваши спутники.

— А вы сами разве не пьете кофе?

Петерсен ощущал слабый аромат ее духов, он даже поклялся бы, что чувствует тепло, излучаемое ее телом. Когда чуть позже она наливала ему кофе, он разглядел каждую линию ее фигуры, и, обернувшись, юная дама заметила, что он, покрасневшись больше обычного, поправляет галстук.

Вошел Эвйен.

Когда капитан выходил из салона, рассчитанного на пятьдесят человек и довольно комфортабельного, хотя не очень уютного — помещение было отделано слишком светлым дубом, — Эвйен, сидя в углу, просматривал коммерческие документы, извлеченные им из

портфеля. В противоположном углу молодой человек в очках читал газету «Берлинер Тагеблат».

На столе, расположенном на равном от обоих удалении, пассажирка, достав колоду миниатюрных карт, раскладывала пасьянс.

— Не дадите ли прикурить, капитан?

Ему пришлось вернуться. Она потянулась к нему своим длинным мундштуком и наклонилась так низко, что взгляд Петерсена невольно скользнул к ней за вырез платья.

— Благодарю... Выходим в море?

— Да, скоро Куксхафен. Мне пора на мостик.

Вблизи Петерсен заметил, что у нее, как и у Вринса, веки набрякшие, лицо усталое, словно после бессонной ночи, а то и нескольких. Как и у Вринса, губы порой неожиданно начинают дрожать.

На мостике он застал третьего помощника — тот как раз искал капитана, и лицо у него было такое растерянное, словно он только что плакал.

— Нашли?

— Нет. Он где-то прячется — это ясно. А я ведь взял с собой трех матросов. Но дело не в этом...

Петерсен не слишком ласково взглянул на него:

— В чем же?

— Я хотел сказать вам, капитан, что... что я бесконечно сожалею о...

Голос его надломился, на глаза навернулись слезы.

— Клянусь, это чистая случайность. Я в жизни не пил. Но прошлой ночью... Не могу вам объяснить, но мне нестерпимо думать, что вы...

— Все?

Вринс побелел, и в капитане затеплилась жалость.

— Вы считаете, я все еще пьян? Даю честное слово...

— Идите!

Едва Петерсен натянул кожанку и встал рядом с лоцманом, в нескольких метрах от «Полярной лилии» проскользнул зеленый бортовой огонь грузового парохода, шедшего вверх по Эльбе.

— До сих пор не выбрались?

Лоцман ткнул левой рукой во мрак и буркнул:

— Куксхафен!

Он был лоцман-речник, и у портового маяка его ждала моторка.

Капитан угостил его в штурманской рубке традиционным стаканчиком шнапса, обменялся с ним несколькими общими фразами.

Налил еще стаканчик, но тут машина сбавила обороты, а затем вообще остановилась.

Вскоре во тьме, над самой водой, засверкал огонек. Казалось, до него очень далеко, но не прошло и секунды, как он превратился в карбидный фонарь, который уже можно было разглядеть в деталях. Толчок в корпус под штормтрапом. Короткое рукопожатие.

— Доброй ночи!

Стюард заканчивал уборку ресторана. Никто из трех пассажиров, сидевших в салоне на расстоянии метров в восемь с лишним друг от друга, казалось, по-прежнему не обращал внимания на соседей, хотя Эвйен то и дело поглядывал на молодую женщину.

Лоцман спустился в моторку и сразу же крикнул:

— Эй, капитан! Тут к вам...

Перегнувшись через поручни, Петерсен разглядел мужчину в длинном пальто и с объемистым чемоданом в руке.

— Что вам угодно?

— Сейчас объясню.

Мужчине пришлось помочь взобраться по трапу. Очутившись на палубе, он с беспокойством огляделся и представился:

— Советник полиции фон Штернберг. Не поспел на пароход в Гамбурге и догнал вас на автомобиле.

Это был человек лет пятидесяти и довольно необычной внешности: острая бородка, густые брови, свободное пальто неопределенного цвета, скрадывающее фигуру.

— Есть буду у себя в каюте, — добавил он, когда «Полярная лилия» вновь начала набирать ход. — Если пассажиры спросят...

— Их всего трое.

— Если пассажиры спросят, вы ответите, что я болен и не встаю. Фамилию назовете другую. Скажем, Вольф. Герберт Вольф, меховщик. Стоимость проезда я оплачу.

— Вы в командировке? — осведомился Петерсен, настроение у которого еще больше испортилось. — У меня на борту кто-нибудь...

— Я сказал: советник полиции, а не инспектор.

— Но...

Капитан, разумеется, знал, что советник полиции — высокий чин в Германии: в обязанности такого лица не входит поимка злоумышленников. Но речь шла о полиции, и этого было достаточно, чтобы Петерсен пришел в раздражение: он, капитан, любил чувствовать себя хозяином на судне.

— Поступайте как знаете, — проворчал он. — Только вот что: если вас интересует Эрнст Эриксен, сразу предупреждаю — он ис-

парился. Исчез и прячется неизвестно где, хотя проезд оплатил и багаж его в каюте. Стюард! Проводите пассажира в одну из свободных кают. Туда и будете подавать еду господину... Вольфу. Так, не правда ли? — добавил он, обращаясь к человеку в пальто.

На вахту Петерсен заступил в шесть утра, и ему давно полагалось бы спать. Он вернулся к себе, лег на койку, но не смог отключиться и по-прежнему чутко прислушивался к шагам в коридоре.

Услышал, между прочим, как вернулись в свои каюты Эвйен и бритоголовый. Но хотя было уже за полночь, дверь пассажирки все еще не открылась. Капитан звонком вызвал стюарда.

— Все легли?

— Нет, не все. Дама...

— Все еще раскладывает пасьянс?

— Виноват, она прогуливается по палубе.

— С кем?

— С господином Вринсом.

— Он что, посмел подсесть к ней в салоне?

— Нет, был у себя в каюте. Она сама попросила меня позвать его.

Капитан тяжело повернулся на койке и пробормотал что-то невнятное по адресу стюарда; тот постоял немного и вышел.

ГЛАВА 2

Необычный пассажир

На другой день первый пассажир появился на палубе в девять утра, когда капитан давно уже нес вахту.

Было воскресенье. В принципе, оно на «Полярной лилии» ничем не отличалось от будней. И все-таки нечто неувимое в атмосфере, царившей на судне, делало этот день непохожим на остальные.

Под утро температура воздуха упала до нуля и даже чуть ниже. Когда неумытый и небритый Петерсен натягивал перед вахтой кожанку, воздух был еще пропитан чем-то вроде дождевой пыли.

С наступлением дня она превратилась в иней, и солнце вскоре растопило покрывавший палубу слой крошечных белых крупинок.

Странное солнце! Спит, а не греет, хуже того, не веселит. Дул холодный ветерок, и вода посверкивала резко, как белая жемчужина.

«Полярная лилия», огибая Данию, шла довольно мористо — берега было не видно.

Первым проснувшимся пассажиром оказался молодой человек в очках. Он был в брюках гольф и пуловере, пиджак нес под мышкой.

«Арнольд Шутрингер, инженер, Мангейм», — прочел Петерсен: он захватил с собой в рубку пассажирский список.

Ознакомившись, так сказать, с местностью, Шутрингер облюбовал бак, положил пиджак на кабестан и занялся утренней гимнастикой — неторопливо, заинтересованно, с упорством.

Очки он снял, и глаза у него оказались обычного размера. Очевидно, такими большими они выглядели из-за сильной кривизны стекол.

Капитан был один на мостике. Позади него, за стеклом рубки, положив руки на медное колесо штурвала и не отрывая взгляд от компаса, стоял рулевой.

Камбузник в белом колпаке выскочил на палубу, вытряхнул за борт очистки, заметил молодого человека и на минуту застыл: пассажир, лежа на спине, размеренно, как автомат, то складывался, то вновь распрямлялся, сопровождая каждое движение удовлетворенным «х-ха!».

За его упражнениями следил еще один человек, заметив которого Петерсен недовольно скривил губы.

Это был угольщик Петер Круль. Он сидел у люка, ведущего в кубрик, и попыхивал папироской, приклеившейся к нижней губе.

Свободных у него выдалось только два часа. Обычно машинисты и кочегары не дают себе труда ни мыться, ни переодеться ради такой короткой передышки.

Новичок не снял даже брезентового берета, сменил только синюю робу на старый ландверовский мундир, распахнутый на обнаженной, заросшей рыжими волосами груди.

Судовые порядки не запрещали ему находиться там, где он сидел; вернее сказать, зимой, когда пассажиров мало, на такие вещи смотрят сквозь пальцы. Его лицо еще сильнее, чем накануне, поразило, пожалуй, даже смутило капитана. Петерсен испытывал чувство сродни тому, которое заставляет нас отворачиваться, когда мы читаем разум в глазах животных.

Видимо, при всей глубине падения Круль до сих пор сохранял слишком много непринужденности, самоуверенности, даже элгантности.

Взгляд его не отрывался от Шутрингера. Закончив гимнастику и надевая пиджак, инженер заметил это. Капитану почудилось, что молодому человеку стало не по себе; как бы то ни было, ушел он крупным шагом, не оглядываясь.

Чуть позже на мостик взобрался Эвйен: в плавании он по привычке каждое утро приходил здороваться с капитаном.

- Хорошо спалось?
- Недурно. Кажется, кто-то из пассажиров заболел?
- Вот именно! — проворчал капитан сквозь зубы. — Что там у вас, господин Вринс?

На мостике появился третий помощник, почти такой же подавленный, как накануне, и скороговоркой доложил:

— Только что осматривал трюм. Вдруг слышу шорох за ящиками. Передо мной мелькнул тот пассажир...

Наступило молчание. Эвйен уставился на капитана: это еще что за новости?

— Скажите, Вринс...

Помощник вздрогнул, нет, скорее напрягся, словно в предчувствии опасности.

— В котором часу вы сегодня легли?

— Н-не знаю.

— Зато я знаю. В два часа вы еще разгуливали по палубе. Предыдущую ночь тоже не спали. А до этого провели ночь в дороге...

— Что вы хотите этим сказать?

— Что боюсь, как бы у вас не начались галлюцинации. Возьмите сколько нужно людей и разыщите мне этого пассажира-призрака, понятно?

Опять та же история! Все первые часы вахты Петерсен непроизвольно думал о вчерашних событиях, и ему, злomu и полусонному даже после чашки черного кофе, все это казалось в ледяной пред-рассветной мгле каким-то кошмарным сном, в котором поочередно возникали третий помощник, угольщик из Гамбурга, загадочный Эриксен, знакомый капитану лишь по серому пальто, и прелестная юная дама.

Ясно одно: если высокопоставленный полицейский чиновник дает себе труд гнаться за «Полярной лилией» до самого Куксхафена и принимает столько предосторожностей, значит на борту что-то происходит.

И что-то нешуточное! Недаром сам Штернберг так резко подчerkнул, что он не инспектор, а советник полиции.

Не Эриксена ли он ищет? Но когда капитан заговорил о датчанине, Штернберг и бровью не повел. Не задал никаких вопросов.

А может быть, Петера Крулля?

Вон он как раз уходит, приволакивая ногу, — ему пора на вахту в угольную яму.

И зачем пассажирке было вызывать Вринса в полночь, а потом гулять с ним по палубе до двух ночи?

Рядом с капитаном, всматриваясь серыми глазами в горизонт, стоял высокий породистый Эвйен.

— Полагаете, плавание будет спокойным?

— Вы завтракали?

— Еще нет.

— Не знаете, пассажирка в ресторане?

— Когда я проходил мимо, ее там не было. Она немка?

— Да, немка, Катя Шторм... Но, по документам, проживает в Париже, на улице Вавена.

— Едет в Берген?

— Вот и не угадали. В Киркенес! Шутрингер тоже. На этот раз все сходят в Киркенесе, куда обычно плывете только вы.

— Поездка, разумеется, увеселительная?

Эвйен явно заинтересован пассажиркой. Сам признался, что мельком заглянул в ресторан. Видимо, решил повременить с первым завтраком в надежде сесть за него вместе с молодой дамой.

Наконец капитан и Эвйен увидели, что она тоже направляется к мостику, над которым высились их фигуры. Нос она высунула наружу не без робости, словно вылезла из ванны и боится, как бы ее не продуло.

Она сменила туалет: сейчас на ней были серая юбка и розовый жакет, сшитые, как и вчерашнее платье, в каком-нибудь известном парижском ателье мод. Лицо свежее, волосы только что уложены.

Она подняла голову, заметила обоих мужчин, улыбнулась:

— Доброе утро, капитан.

Затем, более сдержанно, кивнула Эвйену.

— Погода будет хорошая?

— Хочу надеяться.

Сквозь полуоткрытую дверь выглянул стюард, лицо которого выражало отчаяние; завтракать никто не спешит, и утро у него уходит на бесплодное ожидание.

Эвйен произнес что-то банальное, спустился с мостика, и Петерсен увидел, как управляющий прохаживается по палубе, стараясь незаметно приблизиться к Кате Шторм, следящей за полетом чаек.

Капитан затруднился бы сказать, почему атмосфера на судне рождает в нем тревожное ощущение пустоты. Пусто было небо, безоблачное и в то же время зловеще-серое. Пусто было на пароходе, где люди слонялись равнодушно, без настроения. В нем самом тоже была пустота.

Ему казалось, он чего-то ждет, только вот чего? Заметив Вринса и троих матросов, вылезавших из носового трюма, Петерсен крикнул:

— Ничего?

— Ничего.

Черт побери! В трюме штабели разных ящиков и мешков, которые нельзя перекладывать: они уложены в порядке портов назначения. Там можно с успехом скрываться много дней.

Неожиданно палуба опустела. Эвйен и Катя Шторм, видимо, завтракают. Вринс отправился к себе в каюту. Только камбузник время от времени поднимается наверх и что-то выбрасывает за борт.

Так прошли два часа. Петерсен поглядывал то на горизонт, то на компас, и в голове у него складывались самые разные предположения, зачем все-таки Штернберг прибыл на «Полярную лилию».

Пробили склянки. Настал черед третьего помощника занять место на мостике, куда Вринс и поднялся, затянутый в слишком узкую, но украшенную нашивками тужурку и в фуражке с большой кокардой.

Капитан оглядел его с головы до ног, чуть опять не съязвил, но сдержался и лишь устало бросил:

— Курс норд-норд-вест.

Целый час Петерсен мылся и переодевался. Проходя мимо салона, он заметил там трех пассажиров: Белла Эвйена и Катю Шторм за одним столом, Шутрингера в другом углу — немец просматривал альбом с видами, который нашел на радиаторе.

Покончив с туалетом, капитан с минуту побродил по левому коридору, единственному, где каюты были заняты. Первой по счету и более просторной, чем остальные, была его собственная; один из ее углов служил ему кабинетом. Соседнюю занимал Эвйен, следующая была свободна. Затем шла пресловутая восемнадцатая, откуда сбежал Эриксен, прятавшийся теперь в трюме. Наконец, двадцатая, двадцать вторая, двадцать четвертая — Катя Шторм, Арнольд Шутрингер и советник полиции.

Остальные были пусты. В конце коридора медная дощечка указывала вход в туалеты и душевые.

Мимо капитана взад и вперед сновал стюард со стопками тарелок в руках — он накрывал на стол.

— Господин фон Штерн... Я хотел сказать — номер двадцать четвертый, господин Вольф, вам еще не звонил?

— Нет.

— Завтрак готов?

— Сейчас будет.

И действительно, расставив тарелки, стюард взял гонг, в который и ударил у двери салона.

В солнечных лучах, врывавшихся сквозь иллюминаторы, сверкали стоявшие на столах флажки судоходной компании.

Свежевыбритый, еще распространяя вокруг запах мыла, Петерсен щеголял в кастровом костюме, в котором выглядел полнее, чем на самом деле, и несколько неуклюже.

Опершись на спинку стула, он выждал, пока все усядутся. Эвйен и дама вошли вместе, заканчивая разговор о зимнем спорте в Шамо́ни¹ и Тироле. Лицо у Шутрингера было совершенно такое же, как ранним утром, когда он занимался гимнастикой.

Перед тем как сесть, капитан повернулся лицом к двери: ему показалось, будто он что-то упустил. Впоследствии он не раз вспомнит об этом неясном тревожном предчувствии.

Именно тогда он и услышал странный крик, сперва приглушенный, затем пронзительный, настоящий предсмертный вопль.

Катя Шторм резко повернулась к капитану. Эвйен, что-то говоривший ей, оборвал фразу на полуслове. Шутрингер, разворачивавший салфетку, положил ее и спросил:

— Что это?

Петерсен шагнул к двери и различил в полумраке коридора белую куртку стюарда, прижавшегося к переборке как раз напротив распахнутой каюты советника полиции.

Стюард прикрывал голову локтем, весь обмякнув и словно силаясь вдавиться в стену. Крик издал он, но крикнуть снова был уже не в состоянии: у него подгибались ноги.

Петерсен побежал. У двери каюты остановился как вкопанный, стиснув кулаки и сжав челюсти.

Недаром он ждал чего-то плохого!

Одеяло соскользнуло на пол, матрас лежал поперек койки, простыни были скомканы и закапаны кровью. Одна из них лежала у Штернберга на лице; видимо, это было сделано для того, чтобы он не мог позвать на помощь.

На обнаженной груди под расстегнутой пижамой — несколько колотых ран, багровые подтеки, следы окровавленных пальцев.

С койки свешивалась посиневшая голая нога, и Петерсену даже не понадобилось дотрагиваться до нее, чтобы констатировать: мертв.

¹ Шамо́ни — городок в Саво́йе (Франция), центр зимнего спорта.

Стюард не шевелился. Слышно было только, как стучат у него зубы; он по-прежнему закрывал голову рукой. Трое пассажиров медленно подходили все ближе. Первым шел Эвйен.

— Что тут стряслось? — спросил он.

В этот момент капитан заметил, что молодая женщина, еще не увидев труп, но уже разглядев пятна крови, судорожно стиснула пальцами правой руки локоть управляющего.

В ту же самую секунду ему показалось, что Шутрингер, несмотря на очки, почти ничего не видит. Немец придвигался все ближе и ближе. Постоял, хмурия брови, на пороге, потом выдавил:

— Кто это?

— Успокойтесь, — сказал Эвйен, похлопывая Катю Шторм по руке. — Вам лучше уйти отсюда.

Ею постепенно овладело волнение, которое — это было ясно — могло в любой момент кончиться нервным срывом.

— Да уведите же ее! — яростно рявкнул капитан и оттолкнул Шутрингера.

Дверь в глубине коридора, ведущая в камбуз, открылась, и в ней замаячили фигуры матросов, сгорающих от любопытства, но не решающихся подойти.

— Входи! — приказал Петерсен стюарду.

— Нет! Только не это! — простонал бедняга.

Капитан потом и сам не мог вспомнить, как он схватил стюарда за руку и, крутанув, впихнул в двадцать четвертую каюту, дверь которой захлопнул ногой.

— Он позвонил?

— Нет... Когда вы упомянули о нем, я подумал, не постучаться ли. Но было уже поздно... Шума я не слышал. Приоткрыл дверь... Ой, отпустите меня!

И стюард боязливо вскрикнул, потому что, шевельнувшись, нечаянно задел рукой за голую ногу мертвеца.

— Ладно, иди. Пришли ко мне...

— Кого?

— Не знаю... Никого.

К кому мог прибегнуть Петерсен? Капитан, а значит, единственный представитель власти на корабле — он сам.

— Иди, но запри за собой дверь.

Труп не пугал его; он даже поднял свесившуюся ногу и уложил ее на постель — она мешала ему двигаться.

На всякий случай Петерсен потрогал грудь покойника. Тело уже застыло и окостенело. Преступление, вероятно, совершено ночью: кровь успела свернуться.

Чемодан Штернберга снят с багажной сетки и лежит посреди каюты. Он вскрыт. Содержимое в беспорядке разбросано по ковру.

Белье, второй костюм, крахмальные воротнички, галстуки... И еще лакированные ботинки.

Петерсен старался не касаться вещей без особой нужды. Однако выйти из каюты не решался: он был убежден — убийца оставил хоть какие-нибудь следы. Оружия он не обнаружил, но, чуточку сдвинув подушку, заметил высунувшиеся из-под нее французскую и немецкую газеты.

Убийство произошло не без борьбы. В противном случае преступник не стал бы накрывать Штернбергу голову скомканной простыней. Кровавые следы на теле убитого оставлены им самим: агонизируя, он хватался за грудь — недаром пальцы у него до сих пор липкие.

Вид каюты и трупа оставлял потрясающее впечатление: с одной стороны, зверская жестокость; с другой — неопытность и неловкость.

Сцена была, без сомнения, страшная. Природа не обделила советника силой. Застигнутый в постели, он отчаянно отбивался, и убийца продолжал наносить удары наугад, лишь бы не дать жертве закричать.

И никто ничего не слышал! Пассажиры, занимавшие соседние каюты, уверяют, что спалось им прекрасно.

Пиджак висел на распялке. Петерсен запустил руку в карманы, но там оказалось пусто; а вот в пальто он обнаружил бумажник, где лежали пять тысяч марок, визитные карточки на имя Штернберга, письмо и удостоверение на право бесплатного проезда по германским железным дорогам.

Лишь после этого капитан вытащил из специального отделения фотографию черноглазой девушки лет пятнадцати с вьющимися, почти курчавыми волосами.

Петерсену даже не пришлось в голову закрыть покойнику глаза, да и накрыть тело простыней он принудил себя не без усилия.

В коридоре он застал Эвйена и Шутрингера; каждый сам по себе, они расхаживали взад и вперед, но при его появлении одновременно подняли головы.

— Ничего не могу сказать, — ответил капитан. — В полночь придем в Ставангер, и делом займется полиция. Где фрейлейн Шторм?

— У себя в каюте. Попросила оставить ее одну.

Петерсен направился было к себе, но передумал. Открыл только дверь каюты, бросил газеты и бумажник на койку и занял свое место за столом.

Поколебавшись несколько секунд, оба пассажира последовали его примеру. Совершенно подавленный стюард подал завтрак. Он все еще не мог прийти в себя и плохо соображал, что делает.

Все приступили к еде, но Петерсен встал из-за стола раньше времени: он неожиданно вспомнил, что не вымыл руки.

ГЛАВА 3

Покойница с улицы Делабр

Петерсен свободно читал по-английски и по-немецки, но лишь прибегнув к словарю, с грехом пополам разобрался в статье из французской газеты: только эта статья могла иметь касательство к появлению Штернберга на «Полярной лилии».

Номер был от 17 февраля. «Полярная лилия» отплыла 19-го, в три часа дня, иными словами, почти в тот самый момент, когда парижские газеты от 17-го поступили в продажу в Гамбурге.

«Преступление на Монпарнасе» — возвещал заголовок. А подзаголовок уточнял: «Опять наркотики!»

Стекло иллюминатора казалось зеленым. Капитан на секунду прижался к нему лбом, убедился, что к ночи туман станет таким же густым, как накануне, прислушался к ходу машины и сел наконец за бюро.

На переборке висел фотопортрет его жены, миловидной, здоровой, веселой женщины.

Ниже был приколот любительский снимок: Петерсен в одной рубашке играет с двумя своими ребятишками в садике коттеджа на холмах Бергена.

Капитан листал словарь, повторяя вполголоса, хотя и с чудовищным акцентом, нужные французские слова. В общих чертах смысл статьи он уловил.

Чрезвычайно прискорбное происшествие вновь пролило неприглядный свет на космополитическую жизнь Монпарнаса, нравы которого все разительнее отличаются от нравов подлинного Парижа.

В доме 19-а по улице Делабр, в двух шагах от нескольких пивных, с утра до вечера гудящих от разговоров на всех языках мира, вот уже несколько лет квартирует мюнхенский художник Макс Файнштайн, мастерская которого на первом этаже имеет отдельный выход на улицу.

Макс Файнштайн приобрел некоторую известность и много путешествует, в частности каждую зиму проводит два-три месяца на Ривьере и пляжах Адриатики.

Отправляясь в поездку, он обычно оставляет ключ кому-нибудь из приятелей, чтобы тот мог воспользоваться пустующим помещением.

В этом году он уехал в первых числах января, предупредив привратницу, что в мастерскую будут иногда заходить его друзья, и попросив ее при случае делать там уборку.

Мы уже сказали, что у мастерской отдельный вход. Добавим, что в кладовке, переоборудованной художником под ванную, есть замурованная дверь, выходившая когда-то в привратницкую.

Только благодаря этой двери, позволяющей расслышать шум в мастерской, мы и можем сейчас, хотя бы отдаленно, представить себе, что там произошло.

Привратница повторила нам то, что уже сообщила полиции. Воспроизводим ее рассказ дословно:

— О господине Максе много не скажу. Это хороший жилец, человек хоть и молодой, но степенный, только добрый слишком. Без конца приводит к себе обнищавших соотечественников. Иные живут у него по неделям, спят на диване в мастерской.

Шум я впервые услышала в воскресенье, после его отъезда. Но внимания не обратила — меня же предупредили. Заметила только, что в мастерской было самое меньшее человек шесть, что в том числе две или три женщины; разговор шел по-немецки; хлопали пробки от шампанского.

На другой день я пошла туда убираться и чуть было не написала господину Макс: его друзья превратили помещение в форменную конюшню. По всем углам валялись бутылки и битые стаканы. В ванной стояла грязная вода, гости вытирали руки о занавеси. Об остальном не говорю.

Так вот, некоторое время никто не появлялся. Потом — кажется, была среда — я услышала голоса. В этот раз пришли всего двое — мужчина и женщина, которые провели в мастерской ночь. К утру из-под двери ко мне пробился такой сильный запах эфира, что меня подмывало пойти и выставить их. Но дело-то было не мое, верно?

В последний раз эта публика нагрязнула в прошлое воскресенье; было их человек пять-шесть. Мне было не до них — у меня гостила невестка из Аржантейля. Но я все-таки узнала голоса, которые слышала в первое воскресенье.

Ушли они, по-моему, очень поздно. На следующий день рабочие начали расчистку двора, и мне было недосуг заглянуть в мастерскую. А во вторник у меня выходной.

По правде говоря, меня заранее тошнило при одной мысли о грязи, которая там меня ждет, и с духом я собралась только в четверг.

Остальное вам сообщила полиция. Я так испугалась, что сломя голову выскочила на улицу и схватила за руку первого попавшегося прохожего.

На постели лежала обнаженная девушка! Молоденькая и, должно быть, хорошенькая, но с синяками на лице и теле.

Повсюду валялись бутылки из-под шампанского и виски. Я нечаянно наступила на шприц и раздавила его, но экспертам все-таки удалось сделать анализ.

Экие подлецы, верно? Увидели, что умерла, — и бежать. А ее бросили одну-одинешеньку.

Петерсен взглянул на фото своего дома — крашеного, нарядного, словно игрушка, — и его замутило, как мутит человека, впервые увидевшего какую-нибудь особенно отталкивающую болезнь.

Дальше в статье говорилось:

Последние слова привратницы достаточно исчерпывающе резюмируют положение. Уголовная полиция ведет следствие. В отношении жертвы оно дало известные результаты; в отношении виновных — нет.

Смотр трупа позволил установить, что погибшая — здоровая, не страдавшая никакими наследственными недостатками двадцатилетняя девушка в воскресенье вечером приняла сильную дозу алкоголя и наркотиков.

Смерть, однако, последовала в результате инъекции морфина, след которой обнаружен на левом бедре.

Фотография, помещенная во вчерашних вечерних газетах, дала возможность установить личность погибшей. Ею оказалась Мари Барон, уроженка Амбуаза, продавщица в магазине на улице Клиши, проживающая одна в меблированных комнатах на бульваре Батиньоль.

Ее родители живут в департаменте Эндр и Луара, поэтому труп был опознан подругой покойницы, явившейся в Институт судебной медицины.

Подруга заявила также, что прошлое воскресенье они собирались, как обычно, провести в луна-парке. Но в субботу Мари Барон сказала, что познакомилась с мировыми ребятами и предпочитает отправиться с ними на Монпарнас.

Восстановить события не составляет труда. Как это часто бывает, шайка морфинистов сочла пикантным прихватить с собой девушку, еще не отведавшую их зелья.

СОДЕРЖАНИЕ

Пассажир «Полярной лилии». <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	5
Он приехал в День поминовения. <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	107
Грязь на снегу. <i>Перевод Ю. Корнеева</i>	293
Смерть Беллы. <i>Перевод Е. Баевской</i>	477
Господин Премьер-министр. <i>Перевод М. Таймановой</i>	583
Тюрьма. <i>Перевод Э. Шрайбер, Н. Брандис</i>	689
И все-таки орешник зеленеет. <i>Перевод А. Тетеревниковой</i>	819